Глава 147 Мерзкий, злой и бесчеловечный

Тень двигалась быстро и бесшумно, неслышно и незаметно пробираясь между простыми домами. Она была похожа на нож, без труда пронзающий фунты плоти, проскальзывающий сквозь множество мягких глоток и так же беззастенчиво завершающий жизнь. В Сайласе было что-то подлое и зловещее, когда он тенью проникал в жизнь в скрытых горах и сводил ее на нет. Его лицо было лишено выражения, в глазах не было ни вины, ни колебаний.

Его руки не дрожали, губы не дрожали, а разум не колебался. И все же он не переставал сомневаться. В конце концов, это было нормально - то, кем он стал. Одним щелчком выключателя он перестал бы быть человеком. Его сердце остановилось бы, и все те эмоции, которые нахлынули бы в нутро и выплеснули свои требования, замерли бы во времени, застыв в состоянии перманентного неведения.

Он мог отделить одну реальность от другой - создать совершенно новый мир и, что еще важнее, совершенно нового себя. Отчасти именно поэтому он не хотел, чтобы Аша была с ним. Она бы не поняла, ни в малейшей степени, что он должен был сделать это. Он подозревал, что никто нормальный, по-настоящему, не поймет. И он понимал это. Нормальные люди, в конце концов, не должны убивать, не задавая вопросов, не пытаясь докопаться до истины. В конце концов, насколько он знал, большинство, если не все, кого он убил до сих пор, могли быть просто невинными людьми, которые жили здесь по воле случая. И все равно, ему было все равно.

Проводником его души был гнев - и этот гнев коренился в его душе. Он расцвел в необузданную ненависть, которую он просто не мог игнорировать. В течение многих лет этот гнев и эта ненависть были сосредоточены внутри него. В результате в нем загноились бесчисленные раны и шрамы, личинки питались некротическими отходами, которые были его внутренним "я". Впервые, как ему казалось, у него появился прямой выход - было на кого и на что указать, кроме самого себя. Хотя гнев был похоронен, он, тем не менее, процветал. Он всегда знал, что ему придется это сделать. Раз, два, три - сколько бы раз ему ни пришлось это делать.

В некотором смысле, это было возможно только в петле. Он сделал это, потому что знал, что это можно отменить. Если бы не возможность перезагрузки, он либо стал бы маниакальным и сделал бы это, разорвав последнюю связь с человечеством внутри себя, либо продолжал бы

колоть себя воспоминаниями до неизбежной смерти. Таким образом, это было особое стечение обстоятельств, когда, как говорится, он мог получить торт и съесть его.

Он быстро продвигался вперед, но все равно это казалось медленным - здесь было так много домов, расположенных как горизонтально на нескольких десятках островов, так и вертикально на горе странной формы. Он не успел добраться до последнего, как забрезжил рассвет. Скоро, он знал, крики ужаса охватят это место - но он просто спрятался в одном из домов. На самом деле, это пошло ему на пользу, поскольку он сразу узнал бы, кто здесь главный, а не стал бы вслепую бить ножом, пока ему не повезет.

Усевшись на землю, он только сейчас понял, что весь в крови - он был слишком сосредоточен, и было слишком темно, по правде говоря, чтобы заметить это. Оглядев однокомнатный домик, сразу за четырьмя трупами, лежащими у стены, он увидел ведро. В нем было немного воды. Он использовал ее, чтобы вымыть руки и лицо, оставив остальное, поскольку это не имело особого значения.

Но... он был другим. Вместо ужасающего, он был... расцветающим. Прекрасным. Мстительным. Воздающим.

Ужасная и плачевная улыбка заиграла на его пересохших губах, когда он встал и подошел к бездверной раме, глядя вдаль, где он увидел рой душ, спускающихся с гор, как саранча, сходящихся к многочисленным, усеянным трупами домам. Это был лишь первый из множества леденящих кровь, раздирающих горло криков, которые пробили дыру в небе в тот неумолимо багровый рассвет.

За криками последовали вопли; хотя для обычного уха они были бы неприятны, даже болезненны, для Сайласа, по крайней мере в тот конкретный момент, они были болезненной, неблагочестивой песней. Он знал, что думать и чувствовать так, как он думает и чувствует, было неправильно - но он отпустил цепи, отпустил вожжи, которые использовал, чтобы сдерживать себя.

Как раз в тот момент, когда казалось, что спускаться больше некому, он вышел из дома и медленно пошел к толпе. Ну, к одной из них. Их было несколько десятков, собравшихся вокруг многочисленных островов. Заметить его было нетрудно - в конце концов, он был без рубашки, облитый кровью с ног до головы, не терпящий возражений.

"Кто... ТЫ СДЕЛАЛ ЭТО?!!! КТО ТЫ?!!!" мужчина лет сорока внезапно выскочил из толпы, вооруженный лишь кулаками. Его глаза были налиты красной кровью, губы дрожали, душа в глазури пылала. Казалось, будто Сайлас смотрит в зеркало на самого себя из того дня. Мужчина бросился на него, как тигр. Вместо того чтобы увернуться, Сайлас шагнул к нему, схватил его за плечи и развернул лицом к охваченной ужасом толпе, а спустя мгновение с силой свернул ему шею. Треск раздался как гром, когда тысячи глаз устремились на него. Только сейчас он осознал их количество. Они были ошеломляющими.

Жуткая, кровавая тишина наступила, когда он отпустил безжизненное тело. Оно упало перед ним, когда он отшвырнул его в сторону, заставив многих вздрогнуть и еще больше ненависти, если это возможно. Сегодня он стал их кошмаром. В этот момент людское море начало расступаться. Вдалеке, среди моря черных плащей, Сайлас увидел несколько белых, которые быстро приближались. Почти через минуту пристальных взглядов группа оказалась перед ним - всего восемь человек, четверо мужчин и четыре женщины, на вид около сорока лет. Как только они увидели его, Сайлас узнал что-то в их глазах - знакомое. Они знали, кто он такой. В отличие от всех остальных, казалось, они знали.

"Похоже на то", - улыбнулся Сайлас. "Я пришел в нужное место. Хорошо спрятались, пиздюки".

"Кто ты?!" - притворилась невежественной одна из женщин. "Что за чудовище может сделать такое?!!!"

"Тот, кто не боится сам совершить немыслимое, по крайней мере", - ответил он. "В тот день я дал себе несколько обещаний. Одним из них было то, что я найду виновных... и превращу ваши жизни в односторонний ад на всю вечность. И сделаю вдвое больше по отношению ко всем, кого вы любите. Мне понадобилось много-много лет, чтобы найти тебя. Хах. Это неправильно. Я не нашел тебя. Один добрый человек сказал мне, куда идти. И я не могу выразить уровень радости, которую я сейчас испытываю".

"Им нечего было делать..."

"Мне все равно", - тут же перебил Сайлас. "Мне искренне наплевать. Мне все равно, кто здесь невиновен. Мне все равно, кто здесь просто жертва насилия, которая решила уединиться. Однажды, в будущем, когда я стану лучшим человеком, мне будет не все равно. И когда этот день наступит, я тщательно найду восьмерых из вас и тех, кто еще несет ответственность, и выборочно покончу с вами. Но сегодня... сегодня я нехороший человек. Во мне нет ни сочувствия, ни сострадания, ни любви. Только гнев. Только гнев, который питал меня в самые темные времена. Если бы я мог умереть, я бы умер. Если бы боги позволили мне, вы бы никогда меня не увидели. Но они не дали мне умереть. И вот, настал сегодняшний день".

"...Ты трус", - сказал один из мужчин. Казалось, они поняли, что сегодня не избежать беды. "Здесь есть история, ты должен это знать".

"Да?" Сайлас повернулся к нему. "Есть ли история, которая может оправдать случившееся?"

"Да..."

"Нет, это не так", - снова перебил он. "Неважно, какую сказку ты сочинишь - даже если ты скажешь мне, что если бы ты этого не сделал, то всему миру пришел бы конец... Я все равно скажу тебе: надо было дать ему закончиться".

"У всего есть высшая цель", - сказал тот же человек. "Причины, которые пишут историю. Мы не твои враги, Сайлас. Мы действительно не враги. На самом деле, если ты прислушаешься, то поймешь, что мы можем стать лучшими друзьями на твоем пути к коронации принца Валена королем".

"... Я в полной заднице", - сказал Сайлас после минутного молчания. "Нет, это коротко. То, что я сделал прошлой ночью... Господи, это пиздец. Это одно из худших деяний против человечества, которое, как мне кажется, когда-либо совершалось на индивидуальном уровне. Так что знай, что я говорю тебе это с позиции абсолютного понимания: твоя мать должна была убить тебя в день твоего рождения. Всем вашим матерям лучше было бы свалить себя в действующий вулкан, чем родить кого-то из вас. Но ты прав. Возможно, есть какая-то история. Возможно, такая, с которой, если бы я был объективным богом, я бы даже согласился. И однажды я ее выслушаю. Но я обещаю тебе, от всего сердца, независимо от того, что это за история, вы, восемь, по крайней мере, не переживете этого. Даже если сами боги сочтут вас невиновными, все будет по-прежнему. Сегодня, однако, меня не интересуют истории. Меня не интересует болтовня. Во всяком случае, уже нет. Все, что я хочу сделать сегодня, это попытаться вывести мерзость во мне на поверхность и убить ее, по одному трупу за раз. Боюсь, это все", - тишина была короткой, но вечной. Но вот все оборвалось, как разбитые часы. И хаос, как и подобает природе, начал царить.

http://tl.rulate.ru/book/66231/2058896